

ВОЙНА 1812 ГОДА ГЛАЗАМИ ИСПАНСКОГО ОФИЦЕРА

Автор: А. А. САГОМОНЯН

Сагомонян Александр Артурович - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Московского государственного лингвистического университета.

Воспоминания непосредственных, рядовых - в широком смысле - участников событий 1812 г. ценны не только как источник по собственно военной истории, но и как материалы по истории повседневности, позволяющие восстановить реалии походной жизни, быт и настроения солдат Великой армии, восприятие ими происходивших событий. Они интересны еще и потому, что ярко воспроизводят картину ужасающей катастрофы, постигшей французов после оставления ими Москвы¹.

Недавно в Испании был опубликован еще один дневник участника войны 1812 г., который можно считать уникальным даже на фоне десятков, если не сотен известных документов подобного рода. Он принадлежит офицеру-испанцу, против своей воли оказавшемуся на полях сражений далекой России и воспринимавшему все события под особым углом зрения². Кроме того, уникальность этого источника обусловлена необычной судьбой испанских формирований, входивших в наполеоновскую армию: после того как значительная часть их личного состава перешла на сторону русских, из них был сформирован полк имени императора Александра I. Таким образом, многим испанцам, и в частности автору данного дневника, пришлось побывать и по ту, и по другую сторону линии фронта, пообщаться с недавним неприятелем, увидеть жизнь различных слоев русского общества во время войны.

Поход Великой армии Наполеона в Россию, начавшийся в июне 1812 г., не зря называли нашествием "двунадесяти языков": как известно, французы составляли в ней меньше половины личного состава. Остальные были представителями союзных и покоренных европейских народов - поляками, итальянцами, немцами, австрийцами, голландцами. По замыслу Наполеона все эти многонациональные формирования должны были символизировать единство Европы под эгидой французского императора. Были среди них и испанские части, причем состояли они преимущественно из бывших военнопленных.

В Испании к этому времени уже несколько лет шла тотальная война против Наполеона. С захватчиками сражались регулярные испанские формирования, ополченцы и английский экспедиционный корпус, поддержанные яростным всенародным сопротивлением - герильей. Это была изматывающая кампания, которую сам Наполеон впоследствии, на острове Святой Елены, назвал своей самой большой ошибкой.

¹ См., например: *Ложье Ц.* Дневник офицера Великой армии в 1812 году. М., 1912; Записная книжка капитана Куанье - солдата империи. - *Воин*, 2000, N 1; *Флиз Д. де ла.* Поход Наполеона в Россию в 1812 году. М., 2003; *Роос Г.* С Наполеоном в Россию: Записки врача Великой армии, *Иелин Х. Л. фон.* Дневник офицера Великой армии. М., 2003 (репринт изд. 1912 г.); *Лоссберг Ф. -В.фон.* Письмавестфальскогоштаб-офицера.М.,2003;*Бургонь А. Ж. Б.* Мемуары.М.,2003.

Как же испанцы оказались на службе во вражеской, по существу, армии? Еще в 1807 г. Наполеон добился согласия испанского короля Фердинанда VII на пропуск своих войск в Португалию и под этим предлогом наводнил Испанию французскими солдатами. Одновременно он потребовал направить лучшую испанскую дивизию (около 15 тыс. человек) под командованием генерал-лейтенанта маркиза де Ла Романа на балтийское побережье для охраны этого побережья от английского флота. Дивизия была включена в корпус маршала Ж. Б. Бернадотта и расквартирована в Дании, в основном на островах Фюн и Зеландия, а также в Ютландии.

Вскоре последовали вынужденное отречение испанских Бурбонов и провозглашение королем Испании Жозефа Бонапарта, брата Наполеона, а затем - восстание 2 мая 1808 г. в Мадриде, начало военных действий против захватчиков и герильи на всей территории страны. Де Ла Романа, узнав об этих событиях, сумел посадить часть своих войск на английские корабли и вернуться на родину, где сразу же вступил в бой с французами³.

Однако в Зеландии и Ютландии остались несколько тысяч (точных данных нет) испанцев, которые тогда же были окружены и разоружены французскими войсками. Отказавшихся присягнуть королю Жозефу Бонапарту - а таких оказалось большинство - направили в лагерь для военнопленных под Гамбургом. Вскоре к ним прибыло "пополнение" - солдаты и офицеры, взятые в плен в самой Испании. В лагере, в тяжелых условиях, они провели почти четыре года.

В 1812 г. Наполеон, готовивший вторжение в Россию, решил - из политических соображений - привлечь к нему испанцев: несмотря ни на что, Испания номинально считалась союзным государством. Военнопленным было предложено присягнуть королю Жозефу, вступить в полк, носящий его имя, и принять участие в русском походе. Как грубовато, но справедливо пишет современный испанский романист А. Перес-Реверте, им "предложили на выбор - либо и дальше гнить заживо, либо напялить синий мундир (на самом деле белый с зеленым. - А. С.) и отправляться на войну"⁴. Большинство выбрали второй вариант и были зачислены в состав испанского полка имени Жозефа Наполеона Великой армии. Формально полк был создан еще в 1809 г. Он состоял из четырех батальонов - 82 офицеров, 2972 нижних чинов. Поскольку многие военнослужащие оказались в нем против собственной воли и французское командование не испытывало к ним большого доверия, полк разделили на две части и развели по разным соединениям: два батальона вошли в 1-й армейский корпус, другие два - в 4-й. Командиром полка был французский офицер, полковник Жан-Батист де Чуди, его заместителем - также француз, Жан-Батист Дорей. Командирами батальонов стали испанские офицеры - Хосе Сансо, Алехандро О'Доннелл, Рамон Дюсер и Рафаэль де Льянса⁵. Именно он, капитан де Льянса, и оставил дневник, где описал весь свой боевой путь.

Льянса был среди тех испанских офицеров, кто находился на острове Зеландия, а позже - в лагере под Гамбургом. Со времени поступления на военную службу он начал вести дневник, который затем, в лагере, был утерян. В 1812 г. Льянса возобновил записи, причем, как указывает он сам, этот новый дневник был достаточно подробным и объемным,

составив за несколько месяцев около 300 страниц. Однако и эти записи пропали - вместе с другими вещами и книгами Льянсы они сгорели во время отступления из России, недалеко от Смоленска. Случайно сохранилась лишь одна тетрадь,

³ Поэтому вряд ли правы французские историки, утверждавшие, что "Ла Романа...дезертировал и бежал на английских кораблях". - История XIX века, в 8 т. Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо, т. 1. М., 1938, с. 163.

⁴ *Перес-Реверте А.* Тень орла. М., 2003, с. 25.

⁵ *Власов К.* Расписание Великой армии на начало русской кампании 1812 г. - Интернет-проект: www.1812.ru. По некоторым данным, были и другие испанские подразделения. Уточнить это невозможно, так как весь архив наполеоновской армии был сожжен в Орше во время отступления. - *Манфред А. З.* Наполеон Бонапарт. М., 1989, с. 607.

стр. 100

куда были внесены даты, названия мест, перечислены основные события. Это позволило автору после возвращения на родину в октябре 1813 г. отчасти восстановить свой дневник, хотя и в гораздо более кратком виде (следует отметить, что некоторые русские названия и фамилии в нем искажены), поэтому многие фрагменты носят не дневниковый, а чисто мемуарный, обобщающий характер. В записях Льянсы имеются временные разрывы, что, по-видимому, было связано с его ранениями, трудными обстоятельствами походной жизни и т.д.

Написанный от руки дневник Рафаэля де Льянсы почти 200 лет бережно хранился его потомками. Одному из них, Игнасио Фернандесу де Бобадилье, рукопись передала мать. Он и подготовил дневник своего далекого предка к изданию в 2008 г., снабдив обширными комментариями, которые носят общеисторический характер и адресованы массовому испанскому читателю. И. Ф. де Бобадилья так пишет о записках своего предка: "Это, конечно, не литературный шедевр, это рассказ солдата о произошедшем с ним"⁶.

В записках Льянсы в первую очередь обращает на себя внимание яростный антинаполеоновский, антифранцузский, обличительный настрой автора. Это и не удивительно, если учесть общественно-политическую ситуацию на его родине и те мытарства, которые ему пришлось пережить во время похода на Москву и последующего отступления Великой армии. В этой связи нельзя не вспомнить, например, известные мемуары французского сержанта-гвардейца А. -Ж. -Б. Бургонья: несмотря ни на что, он остался предан императору и не позволил себе ни единого слова осуждения в его адрес. Записки Льянсы резко контрастируют с этими мемуарами. В дневнике испанца Наполеон характеризуется исключительно как жестокий тиран и враг человечества, а его армия - как орда захватчиков и грабителей.

В подобном ключе, явно упреждая события, автор описывает уже самое начало вступления наполеоновской армии на территорию России 24 июня 1812 г.⁷: "С рассветом перед нашими глазами предстала впечатляющая картина. В этом месте сходились несколько дорог, по которым прибыли все французские войска, насчитывающие примерно 300 тыс.

человек, 100 тыс. лошадей, 1500 артиллерийских орудий и образовавшие неисчислимый поток. День обещал быть замечательным. Трудно выразить то потрясающее впечатление, которое вызывало это множество людей и лошадей, собранных и построенных в колонны на этих обширных полях, торжественная тишина и удивительный порядок. Через Неман было наведено три моста: по одному проходила пехота, по другому - кавалерия, а по третьему - артиллерия и интендантские повозки. По другую сторону реки лежала русская территория. Поля и леса, казалось, были погружены в печаль и ужас. Не было видно ни человека, ни животного - все скрылись в лесах, надеясь спастись от многотысячного людского вала, обуянного яростным желанием грабежа, насилия, истребления" (с. 48). Последние строки написаны, несомненно, уже постфактум, как обобщение впечатлений и наблюдений автора за несколько месяцев похода. Ведь земли, непосредственно прилегающие к Неману, были безлюдными, а дальше - населенными в основном "не благорасположенными к России" поляками, встречавшими наполеоновскую армию с большим энтузиазмом.

Льянса же утверждает, что с самого начала обнажились драматические противоречия между официально объявленными Наполеоном целями войны с Россией и реальной картиной событий. "В выпущенном французами манифесте, - пишет он, - говорилось, что французская армия подняла оружие против русских тиранов - угнетателей Польши, чтобы восстановить там гражданские права и свободы, что население Литвы рассматривает французскую армию как армию освободителей и как силу, призванную разбить цепи рабства, в которые его заковали русские варвары. Каждый, кто прочел бы этот манифест, а потом увидел разграбленные дома и деревни, перебитый скот,

⁶ *De Llançay de Vails R.* Op. cit., p. 6, 13. Далее сноски даются в тексте, в скобках указывается страница по этому изданию.

⁷ Все даты в статье даны по новому стилю.

уничтоженные поля и узнал, что французский император дал своим солдатам разрешение на грабеж, поскольку с момента вступления на русскую территорию прекратились выплаты содержания и выдачи рационов и поэтому солдаты, чтобы выжить, должны были грабить, - по меньшей мере, рассмеялся бы над этим манифестом. Эта свобода воровства стала причиной чудовищного беспорядка, невиданного ни в какой другой армии, поскольку солдаты оставляли свои ряды, чтобы грабить дома и местечки в окрестностях дорог, по которым шла армия" (с. 48 - 49).

Никакого приказа о свободе грабежа Наполеон, конечно же, не отдавал, а выдачи рационов после пересечения границы не прекращались, хотя и были нерегулярными. Однако, несмотря на развитую во французской армии систему тыловой поддержки, "самоснабжение" войск на вражеской территории было обычным делом и даже не считалось грабежом. В России трудности со снабжением, действительно, начались сразу же, задолго до продвижения французов в центральные русские губернии. Обозы безнадежно отстали, а организованные реквизиции на местности, слабо напоминавшей

густонаселенную Европу, почти не давали результата.

Следствием всего этого стало небывалое падение дисциплины среди голодных солдат и мародерство, о чем Льянса не устает упоминать на протяжении многих страниц. Картина, которую он рисует далее, близка к реальной: "Армия двигалась быстрыми и длинными маршами, поэтому отделившиеся (для добычи пропитания. - *А. С.*) солдаты уже не могли вернуться в свои подразделения даже тогда, когда еще хотели вернуться. Это обстоятельство заставляло их для спасения своих жизней объединяться в группы, чтобы грабить деревни, затем эти группы объединялись между собой для защиты награбленного добра... Так зародилась особая война, отличная от той, которую вела основная часть армии. Эта война воров, или мародеров, стоила жизни 70 тыс. человек" (с. 49 - 50).

"Армия постоянно уменьшалась, - продолжает автор, - дизентерия наносила ей значительный урон. Солдаты, которые не могли больше идти, оставались лежать под деревьями, где болезнь и голод прекращали их существование" (с. 50). Напомним, что речь идет о начальном этапе русской кампании. Тем не менее описанная ситуация не представляет собой чего-то беспрецедентного. Если в начале XIX в. от болезней и разнообразных лишений в любой военной кампании умирало в несколько раз больше солдат, чем на поле боя⁸, то поход в Россию, даже до наступления морозов, оказался намного тяжелее и цифра маршевых потерь, соответственно, тоже⁹.

Сразу же после вторжения в Россию из испанского полка началось дезертирство. Есть сведения, что уже при переходе через Неман были расстреляны пять испанцев. Е. В. Тарле справедливо подчеркивал, что дезертирство "особенно повальный характер имело в испанских полках, которые, ненавидя Наполеона лютой ненавистью, были принуждены идти с ним в Россию... На свое дезертирство они не могли не смотреть, в подавляющем большинстве случаев, как на свой патриотический долг перед далекой их родиной, истерзанной Наполеоном"¹⁰.

Немало было и попыток сдаться в плен русским. Вот что писал в своих записках по этому поводу офицер русской армии А. И. Антоновский: "К полудню удалые гродненцы притащили человек 200 сброду, в том числе и несколько гишпанцев с офицером. Они передались добровольно в наши руки и говорили, что, будучи взяты французами в плен в делах Гишпании, Наполеон под угрозой смертной казни принудил их служить во французской службе... Притом рассказывали: вошедши в Россию, все гишпанцы искали случая передаться к нам; но многие из товарищей их попали

⁸ См. *Соколов О. В.* Армия Наполеона. СПб., 1999, с. 67.

⁹ Потери французских дивизий на марше за полтора месяца (с 26 июня) без каких-либо серьезных боев составили от 25 до 30% личного состава; потери среди союзных войск доходили до 50%. - Там же, с. 293.

¹⁰ *Тарле Е. В.* Отечественная война 1812 года. - *Тарле Е. В.* Избр. произведения. М., 1994, с. 261.

в важную ошибку. Не зная, что здешний край от границ России населен поляками, которые не расположены к русским, спрашивавших проводить к нашим войскам поляки провожали к французским, и много таким образом погибло. Гишпанский офицер много рассказывал нам подобных происшествий, а между тем и то, что польские паны весьма дружелюбно и с необыкновенным уважением принимают французов, называя их своими избавителями"¹¹.

Однако сам Льянса долгое время даже и не помышлял о том, чтобы сдаться в плен, поскольку русских, как и многие его соотечественники, он представлял себе жестокими, беспощадными варварами. Возможно, поэтому, когда дело доходило до сражений, испанцы выказывали свойственные им природное мужество и воинскую доблесть. Так, по словам адъютанта Наполеона Сегюра, в бою за Шевардинский редут 24 августа 1812 г. именно упорство испанского полка позволило удержать это укрепление после контратаки русской пехоты¹².

В Бородинской битве испанский полк тоже участвовал. Два батальона, входившие в состав 1-го корпуса, были направлены в район деревни Семеновское. Но, судя по потерям, участие испанцев носило вспомогательный характер: потери составили 36 человек, в основном от огня артиллерии (с. 75)¹³.

После "сражения под Москвой" Льянса наблюдает следующую картину: "Наступила ночь... Повсюду лежали тысячи раненых русских и французов. Все они были оставлены на этом скорбном поле... и это было воздаяние за вклад в победу, одержанную одними, и за блистательный, доблестный отпор, оказанный другими. Это была награда и благодарность подлого тирана своим воинам!!!" (с. 58). Таким образом, если верить мемуаристу, все раненые, как русские, так и французы, были брошены на Бородинском поле и никто ими не занимался. Безусловно, после завершившегося кровопролитного сражения Бородинское поле являло собой страшное зрелище, но, что касается раненых, то здесь Льянса явно сгущает краски. Русская армия отступила в полном порядке, вывозя раненых. К тому же по приказанию Кутузова раненых выносили и выводили на перевязочные пункты и в развозные госпитали тысячи ополченцев. Как отмечал русский военный историк М. И. Богданович, "московское ополчение было назначено для отвода раненых с поля сражения и в прикрытие обозов"¹⁴. Хотя, конечно, нельзя исключить и того, что часть раненых могла остаться без помощи.

В отношении же наполеоновской армии тоже известно, что медицинская служба в ней была организована на достаточно высоком для того времени уровне и во главе ее стояли лучшие врачи. Непосредственно вблизи поля боя действовал так называемый главный амбуланс, где работали десятки военных хирургов, а в тылу были развернуты перевязочные пункты и госпитали. Во время и после Бородинского сражения французские врачи сделали тысячи операций, причем среди их пациентов были и русские раненые¹⁵.

После Бородина два испанских батальона полковника де Чуди, в том числе и батальон под командованием Льянсы, были включены в авангард маршала Мюрата. "Русские нас ожидали у Можайска, - пишет Льянса. - Была артиллерийская перестрелка. После боя город остался за ними, мы расположились рядом. Никогда еще я не чувствовал себя таким усталым и опустошенным, никогда не находился в таком отчаянии. Я завидовал участи тех, кто остался на том поле, кто уже освободился от страданий этой жизни" (с. 62).

¹¹ Отечественная война 1812 г. Сб. документов и материалов. Сост. Е. В. Тарле, А. В. Предтеченский. М., 1962, док. N 35.

¹² *Сегюр Ф. -П.* Поход в Россию. Записки адъютанта императора Наполеона I. Смоленск, 2003, с. 105.

¹³ *Земское В. Н.* Битва при Москве-реке. М., 2001, с. 260 - 265.

¹⁴ *Богданович М.* История отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам, т. 2. СПб., 1860, с. 144.

¹⁵ См. *Соколов О. В.* Указ. соч., с. 496, 497.

стр. 103

На пути к Москве испанцы практически не выходили из боя с организованно отходящей русской армией и понесли значительные потери: были убиты и ранены 12 офицеров и 253 нижних чина. Среди раненых оказался полковник де Чуди, а среди убитых - командир батальона Рамон Дюсер (с. 65). Самого Льянсу 10 сентября ранили в скулу. "Мой верный друг Жозеф Эрнандес, - вспоминает Льянса, - капитан моего батальона, вынес меня из боя, сумел остановить кровь и дотащить до госпитальной палатки. Хирурги оказали мне помощь... На следующий день меня хотели отправить в Можайск; город был сожжен, как и все остальные. Я отказался ехать туда. В коляске нашего полковника я двинулся вслед за армией; это была судьба, если бы я поехал в Можайск, то не выжил бы" (с. 63).

14 сентября вместе с авангардом французской армии Льянса вступил в Москву. Пробыл он там всего двое суток, однако успел застать начало Московского пожара и разграбления города. "Огромный прекрасный город, - пишет он, - находился во власти пламени 15, 16, 17 и 18 сентября. Я стал свидетелем этого ужасного зрелища, самого величественного, какое только может представить себе человек и каковое нельзя было наблюдать без слез. Очень трудно было понять, кто были его инициаторы. Говорили, что губернатор Москвы князь Ростопчин приказал поджечь город, однако он вместе с армией отступил еще до начала пожара. Когда я 14-го числа вошел в город, там еще не было ни пожаров, ни грабежей. Они начались 15-го в полдень, огонь быстро распространился к двум часам того же дня. Грабеж начали французы, а продолжили французы и русские. Когда город отдается на разграбление солдатам, почти всегда возникают пожары; Москва была подожжена как русскими, так и французами, а Кремль позднее был взорван Бонапартом" (с. 66). Таким образом, можно сказать, что рассуждения испанского офицера о причинах московского пожара в общих чертах соответствуют мнению современных историков.

"В городе имелись большие запасы продовольствия всех видов, - продолжает Льянса, - и если бы был установлен порядок, продовольствия хватило бы для снабжения армии на многие месяцы. Но судьбе или Провидению Господню было угодно, чтобы это продовольствие было уничтожено, лишь немного удалось использовать... А многомиллионные награбленные сокровища, золото и серебро, ничем не могли помочь, и в конце концов их пришлось бросить на той земле, где они были украдены. Воры не ограничивались золотом и серебром, они нагружали кареты великолепной мебелью" (с. 67). Впечатления от увиденного в разоряемой, горящей Москве были столь тяжелыми, что Льянса отказался от лечения в московском госпитале, принял решение покинуть город и

возвратиться в строй, несмотря на ранение и неспособность передвигаться самостоятельно. "Лучше через три дня погибнуть среди своих солдат, чем оставаться в Москве", - с горечью замечает он в дневнике.

Его отъезд из Москвы стал возможен благодаря тому, что полк Льянсы по-прежнему находился в составе авангарда Мюрата, назначенного преследовать русскую армию, да и вопрос с передвижением тоже решился: "Мне досталась прекрасная карета, одна из трех, ставших добычей моего полковника; остальные две он надеялся привезти во Францию в качестве приданого для своей дочери. Эта кража не очень меня огорчила: ведь без нее мне трудно было бы передвигаться, поскольку моя прежняя повозка сгорела" (с. 68).

Куда отошла русская армия, французы не знали, и авангард Мюрата двигался, несколько раз меняя направление. А Кутузов между тем осуществлял в эти дни свой знаменитый Тарутинский маневр. В то время как казачьи отряды отвлекали французов, он, перейдя с Рязанской на Старую Калужскую дорогу, прибыл в Красную Пахру.

"Наконец, 29 сентября мы их (русских. - *А. С.*) настигли, - свидетельствует Льянса. - Сразу же началась канонада... Не ошибусь, если скажу, что 30-го числа с обеих сторон было произведено более 10 тыс. пушечных выстрелов (это, безусловно, сильное преувеличение. - *А. С.*)... Наконец, 4 октября русские остановились. Это был исторический момент: французское наступление здесь окончательно прекратилось. И именно отсюда начались наши неслыханные невзгоды, не имеющие аналогов в

стр. 104

истории" (с. 69). Русские остановились у Тарутино для отдыха и пополнения, о чем французы уже и мечтать не могли.

Первые стычки у Тарутинского лагеря не дали перевеса ни одной из сторон. "Все ожидали, что бой возобновится на следующий день, - пишет Льянса. - Но этого не произошло: и те, и другие лишь наблюдали друг за другом, не тревожа противника. Передовые посты находились на расстоянии пистолетного выстрела, а патрульные переговаривались между собой. Неаполитанский король (Мюрат. - *А. С.*) появлялся на аванпостах и беседовал с русскими генералами. Все это заставляло нас поверить, что достигнуто полное перемирие и совсем скоро будет заключен мир. Армия страдала от недостатка продовольствия, главной пищей солдат были умирающие лошади. Все окрестности были опустошены, сгнившее ржаное зерно шло на пищу воинам, солома - лошадям; от такого питания многие умирали" (с. 75).

Интересно, что контакты между русским арьергардом и французским авангардом почти в тех же выражениях описывал А. П. Ермолов в своих "Записках": "Гг. генералы и офицеры съезжались на передовых постах с изъявлением вежливости, что многим было поводом к заключению, что существует перемирие"¹⁶. К этому можно добавить, что 5 октября к Кутузову для переговоров о мире прибыл посланный Наполеоном граф Лористон, и это, видимо, подогревало описанные Льянсой примиренческие настроения. Миссия Лористона, как известно, окончилась неудачей, как и все прочие попытки подобного рода.

"И вот однажды утром, - продолжает свой рассказ Льянса, - когда все мы надеялись на

скорый мир, русские показали нам, что они жаждут не мира, а боя. Мы были атакованы, наша кавалерия разгромлена, вся артиллерия захвачена, потеряно все снаряжение. Наша пехота бежала в страхе перед русской армией... Даже неаполитанский король удрал с удивительной ловкостью, надев польский мундир... С началом атаки я понял, что нас окружают" (с. 78). Речь здесь идет о сражении 18 октября, которое началось внезапной атакой русских и окончилось их победой. Однако разгром французов сильно преувеличен: Мюрат отступил в полном боевом порядке, в основном сохранив артиллерию и не понеся чрезмерных потерь. Самому же раненому Льянсе, попавшему под первый, решительный фланговый удар русской кавалерии, едва удалось спастись бегством - ему помог, рискуя жизнью, один из его солдат. Уже по этой причине Льянса никак не мог видеть бегства "переодетого" Мюрата. Тем не менее именно с итогами этого сражения связывает мемуарист решение Наполеона оставить Москву буквально на следующий день. На самом деле оно могло послужить лишь "последней каплей".

"Утром я поднялся на небольшую высоту и увидел вдали огромные массы людей, которые тянулись до самого горизонта, - сообщает Льянса. - Это был император и вся его армия, покинувшая Москву. Узнав о разгроме авангарда под командованием неаполитанского короля, он приказал армии выступать, взорвав мины, заложенные под башнями Кремля...

Огромный караван повозок всех видов следовал за армией. Уверен, что их было от 10 до 11 тыс., из них - примерно 2 тыс. прекрасных карет и многие тысячи телег, груженных различным имуществом. Не было солдата, который не нес бы в своем ранце значительное количество золота и серебра. Несмотря на эти богатства, армия страдала от голода. Однако все надеялись, что император сумеет найти выход из этой ситуации" (с. 80). Примерно такую же картину рисуют и многие другие мемуаристы.

Французская армия во главе с Наполеоном решительно двинулась в направлении Калуги. "Этот поход был поистине удивительным, - отмечает мемуарист. - Калуга должна была стать нашим спасением, одновременно это оказалось бы тяжелым ударом для русских, поскольку там находился один из их лучших оружейных заводов, Калуга открыла бы нам дверь в южные провинции, не затронутые войной и имевшие большие запасы продовольствия... Взятие этого важнейшего города было целью как всей армии, так и каждого бойца - в этом все видели свое спасение. Движение войск

¹⁶ Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Лондон, 1863, с. 102.

было быстрым, они не останавливались ни днем, ни ночью" (с. 85). Однако чуда не произошло.

Дальнейшие события Льянса освещает так: "24 октября на рассвете авангард армии подошел к Малоярославцу. За полтора часа до этого туда же подошел авангард русской армии, преградив нам дальнейший путь. Произошел кровавый бой, который длился 10 часов... Этот рубеж оказался фатальным, императору не суждено было его пересечь. С этого момента началась новая эпоха в мировой истории и новая глава в истории

знаменитого возмутителя спокойствия человеческой цивилизации. Именно в Малоярославце впервые, на виду всего мира, он был вынужден повернуться спиной к опасности и бежать вплоть до Рейна, оставив полмиллиона солдат на заснеженных полях России" (с. 87 - 88). Не вдаваясь в подробный анализ сражения под Малоярославцем, в котором французы формально одержали победу, признаем, что эти полные пафоса слова вполне справедливы. Если раньше Наполеон строил какие-то планы относительно продолжения кампании, то с этого времени началось его бегство. Однако уточним: французский император оставил свою армию только 5 декабря 1812 г.

Последующие страницы дневника Льянсы представляют собой описание чудовищных бедствий, выпавших на долю отступавшего наполеоновского войска. И если с голодом оно было уже хорошо знакомо, то надвигавшиеся морозы вселяли во французов едва ли не больший ужас, чем беспрерывно донимавшие их "бородатые бестии" - казаки. Французская армия была абсолютно не подготовлена к ведению войны в зимнее время и буквально таяла на глазах. Причем люди погибали в страшных мучениях. "В это время года, - пишет Льянса, - обычно стоят прекрасные дни, снега не бывает. Но на этот раз повалил снег, сразу же превращавшийся в лед. Ни люди, ни лошади не могли сделать и шага, чтобы не упасть. Пришли настоящие северные морозы, которых мы до тех пор не знали. Они довершили ужасающую картину - ежедневно из-за голода, холода и мучений на дороге оставалось более 3 тыс. мертвецов. Потерявшие человеческий облик люди не обращали внимания на своих товарищей, которые садились или ложились на дорогу, чтобы никогда уже не подняться. Единственным "актом милосердия" было то, что человека раздевали раньше, чем он умрет, чтобы забрать у него деньги или одежду, если она была еще пригодной. А многим, кто сопротивлялся в последний момент - я видел это собственными глазами, - помогали умереть ударом кулака или приклада, чтобы легче было раздеть их, снять сапоги или башмаки, особенно ценившиеся. Но еще ужаснее было осознавать, что тех людей, которые только что действовали подобным образом, совсем скоро, когда голод и истощение сделают свое дело, постигнет та же участь... Я хотел бы стереть из памяти все те ужасы, которым был свидетелем. Я проклинал судьбу, по чьей воле оказался среди этих разбойников" (с. 91). Между тем все это происходило при температуре отнюдь не арктической, как можно было бы подумать, а всего лишь при нескольких градусах ниже нуля. Но круглосуточное пребывание под открытым небом, отсутствие теплой одежды и голод довели людей до полного морального разложения.

Оставалась последняя надежда - Смоленск, где французов, по слухам, ждали запасы продовольствия и свежие резервы. Однако "каждому солдату из обещанных запасов досталось не больше горсти зерна", так как все "реквизировала" прибывшая днем раньше гвардия. Положение наполеоновской армии становилось совсем плачевным.

Вскоре Льянса уже выходил из города в составе арьергарда под командованием маршала Нея: "Он (арьергард. - А. С.) покинул Смоленск 16 ноября в 2 часа ночи; через полтора часа были взорваны мины, заложенные французами под смоленскими укреплениями. Одна из них разрушила башню и госпиталь, где находились 8 тыс. раненых" (с. 93).

И все же самое страшное для остатков Великой армии началось после переправы через Березину, когда пришли настоящие русские морозы. Но наш герой этого уже не увидел. Снова раненый, он сдался в плен в бою под Красным 18 ноября. "Ней приказал идти в штыковую атаку, - записывает Льянса в дневнике. - Забили барабаны, заиграли трубы... Не знаю зачем, даже не обнажив шпаги, я ринулся вперед вместе со

своими солдатами... Я был ранен картечью и упал на землю, точнее, на снег. Картечь прошла навывлет через правое бедро. Два солдата помогли мне подняться и покинуть это проклятое место. Бой закончился нашим полным поражением. Ужасные крики - вот и все, что я слышал" (с. 94). Несколько тысяч человек, в том числе испанцы, оказались в окружении.

Льянса наконец решает сдаться в плен русским, считая, что это - единственный достойный выход в тех трагических условиях: "Я решил направить к русскому генералу своего офицера с сообщением, что мы сдаемся. Не успел он отправиться, как по нам ударила вся их артиллерия. Наконец, прибыл русский полковник с трубачом... Я смог встать только с помощью двух солдат. Полковник сказал мне по-французски, что его отец, князь Голицын, генерал русской армии¹⁷, предлагает всем нам сдаться во избежание ненужного кровопролития, гарантируя в обмен хорошее обращение. Я ответил ему: "Сеньор, перед вами несчастный испанец!". Услышав это, он прервал меня: "Испанец! Наш император не считает испанцев пленными. Наши страны связаны тесным союзом, все испанцы, чья судьба приведет к нам, находятся под защитой русской армии". На это я сказал: "Сеньор! Тогда у меня нет другого пути. Я, мои офицеры и солдаты переходим под защиту вашего императора и вашего отца генерала"" (с. 96).

Действительно, еще в июле 1812 г. после долгих секретных переговоров Россия и Испания подписали в Великих Луках договор о совместных военных действиях против Наполеона¹⁸. После этого было приказано содержать пленных испанцев лучше, чем других, "в уважение к их борьбе против французов". По высочайшему повелению суточное содержание "нижних чинов испанской нации" стало в три раза выше, чем у других военнопленных: 15 коп. и 5 коп. соответственно¹⁹.

После сдачи в плен испанским солдатам во главе с капитаном Льянсой предоставили удобный ночлег, а затем отправили их в Главную квартиру русской армии. Всю дорогу сопровождавшие их казаки кричали: "Испанцы! Испанцы!", чтобы избежать каких-либо эксцессов. В Главной квартире Льянсе и его соотечественникам подробно разъяснили императорский указ о защите испанцев, оказавшихся во французской армии, снабдили их одеждой и деньгами, а затем отправили на юг, в местность "с более мягким климатом" - Курскую губернию. Испанцам было обещано возвращение на родину. Фамилию генерала, который принял Льянсу в Главной квартире, проявив к испанцам поразившую их заботу и внимание, автор дневника воспроизводит как "Дуросский". Можно предположить, что это был генерал от инфантерии Д. С. Дохтуров.

"То, что произошло со мной, - замечает Льянса в своем дневнике, - было почти чудом, ведь к этому времени я уже потерял надежду избежать наказания свыше за всю совершенную низость; я был уверен, что в скором времени погибну. Но Провидению было угодно, чтобы русские мне помогли разбить цепи, в которые меня заковала самая гнусная тирания и в которых я страдал почти пять лет... Мы не могли даже представить себе, что нашими освободителями станут русские - те, кого мы считали жестокими и не знающими пощады людьми... Все это казалось нереальным или даже сном. Подобное ощущение не покидало меня в течение многих последующих дней" (с. 97).

В Курске испанские офицеры и солдаты должны были провести всю зиму, чтобы

восстановить силы и здоровье (помимо испанцев, в городе уже находились несколько сотен пленных французов, а также беженцы из Москвы²⁰). "Мы были больше похожи

¹⁷ Голицын Дмитрий Владимирович (1771 - 1844) - в 1812 г. генерал-лейтенант, командовал 1-й и 2-й кирасирскими дивизиями; отличился в сражениях при Бородине и под Красным.

¹⁸ См. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского МИДа, сер. 1, т. 6. М., 1962, с. 495 - 497.

¹⁹ Бессонов В. А. Нормативные документы, определявшие содержание военнопленных в Российской Империи в 1812 г. - Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы конференции. Бородино, 1999, с. 16.

²⁰ Курский край в истории Отечества. Под ред. Л. С. Полнера. Курск, 1996, с. 48.

стр. 107

на скелеты, чем на людей, - пишет Льянса о себе и своих солдатах. - Когда я впервые за пять или шесть месяцев разделся, то просто испугался, увидев свои ноги. Бедрa можно было обхватить ладонью в любом месте; вся кожа на теле была покрыта какой-то черной чешуей. На всем этом слабом теле роилось бесчисленное множество крошечных насекомых, которые его пожирали и истощали" (с. 107).

В путь из Красного испанцы тронулись 26 ноября 1812 г. За время 40-дневного путешествия из десяти испанских офицеров пятеро погибли - от истощения и обморожения. В Курске, как сообщает Льянса, его сразу же представили губернатору²¹, который проявил живейший интерес к его судьбе: "Он познакомил меня с указом императора относительно испанцев, которых судьба занесла в Россию вместе с разбойничьей французской армией. Он также ознакомил меня с приказом фельдмаршала, в соответствии с которым мы должны были провести зиму в его городе, чтобы впоследствии быть оповещены, где будут собраны испанцы для доставки на кораблях на родину (в портах Черного или Балтийского моря).

Наш приезд стал заметным событием в Курске. Видимо, мы были первыми испанцами, ступившими на эту землю. Многие господа оказывали мне честь, приглашая на прекрасные банкеты, музыкальные вечера и особенно часто - балы. Большинство господ говорило по-французски, и поэтому мы их понимали. Я бывал в их поместьях, на полях, где мог видеть рабское состояние русских крестьян" (с. 109).

Среди множества новых знакомых Льянса обрел и настоящего друга. Им стал некто Полозов - "полковник и адъютант великого Суворова", который "со всей сердечностью предоставил мне свой дом, стол, лошадей, сани, свою душевность и полное доверие". И все же испанец, лишь только немного пришел в себя, сразу же стал рваться на родину. Зная о дружбе Полозова с губернатором, Льянса составил план: добиться поездки к Черному морю, в Крым, оттуда каким-нибудь образом достичь Константинополя, затем - Мальты или Сицилии и уже оттуда - Испании. Однако Полозов не одобрил этот проект. Напротив,

он всячески убеждал испанского офицера перейти на русскую службу. Льянса пытался обратиться с просьбой о содействии и к самому губернатору, но тот постоянно находил предлоги для отказа. По-иному, разумеется, и быть не могло. Согласие высокопоставленного сановника-генерала, имеющего на руках приказ фельдмаршала, явилось бы неслыханным самоуправством.

"Я провел зиму в полном неведении относительно того, сколько испанских солдат и офицеров было собрано в России для возвращения в Испанию, - вспоминает Льянса. - Сразу же по прибытии в Курск я написал письмо господину послу Испании в Санкт-Петербурге, но так и не получил ответа... Ни одно из моих писем не попало в руки посла. Это вызвало у меня подозрение, что меня хотят убедить остаться в России, и Полозов простодушно признался мне в этом впоследствии, когда пришло время нашего прощания и моего отъезда в Петербург" (с. ПО).

Наконец, в середине мая Льянса узнал, что в Петербурге формируется испанский полк имени императора Александра. Он сразу же явился к губернатору с просьбой отправить его в столицу. На самом деле, решение сформировать из испанцев отдельный полк для участия в войне против Наполеона - ввиду большого числа сдавшихся в плен испанских и португальских солдат - было принято еще в конце 1812 г. В ноябре управляющий военным министерством князь А. И. Горчаков писал М. И. Кутузову: "Государь император, желая поддержать связь с восстановившеюся испанскою державою, соизволяет, чтобы все пленные испанцы и португальцы были собираемы в Санкт-Петербурге. Они по прибытии сюда...будут формироваться в батальоны и останутся до весны, а с открытием коммуникации будут отправляемы отсюда в свое отечество... На том основании покорнейше прошу Вашу светлость...всех пленных испанцев

²¹ Курским губернатором в 1811 - 1818 гг. был Аркадий Иванович Нелидов (1772 - 1834) - генерал-адъютант, генерал-лейтенант с 1801 г. Льянса называет его генералом Нихдорфом (впрочем, возможно, так прочел публикатор).

и португальцев отсылать в Санкт-Петербург"²². А 2 мая 1813 г., в пятую годовщину Мадридского восстания против Наполеона, солдаты новообразованного испанского императорского Александровского полка приняли присягу на верность Кадисским кортесам, которые в Петербурге считались единственной законной властью в Испании, пока король Фердинанд еще находится во французском плену.

Льянса выехал из Курска "в сопровождении майора, четырех офицеров и трех солдат" (с. 112) лишь 17 июня 1813 г. Их путь лежал через Орловскую, Тульскую, Московскую, Тверскую и Новгородскую губернии. "Посещение Москвы расстроило меня, - пишет Льянса. - Мне хотелось избежать проезда через нее, но это было невозможно. Я увидел ужасный ущерб, нанесенный этому несчастному городу, в котором из 96 тыс. домов осталось едва ли 4 тыс. Однако к этому времени уже было построено около 10 тыс. деревянных домов, и меня уверили, что в Москве уже проживает более 400 тыс. человек. Могу свидетельствовать, что снабжение было налажено прекрасно, я видел на рынке все виды фруктов, которые растут в Испании и Италии, выращенные в оранжереях с

искусственным подогревом... В Туле я видел прекрасный завод, где производилось оружие всех видов... В Твери я перешел через Волгу по плавучему мосту из 70 скрепленных лодок, поистине уникальному, первому подобному сооружению в России" (с. 113).

14 июля Льянса "прибыл в село София²³, императорскую резиденцию в четырех лье от Петербурга, где находилась царствующая императрица. В Павловске, неподалеку от Софии, жила императрица-мать, там же, в двух зданиях комплекса Софийского дворца, размещался штаб испанского полка" (с. 114), куда Льянса был зачислен.

19 июля состоялась церемония освящения знамени полка и батальонных штандартов. "Ее провел римский епископ. Служба прошла на поле, примыкавшем к дворцу, - рассказывает Льянса в своем дневнике. - Там был разбит прекрасный шатер, украшенный персидскими коврами, в котором находились императрицы в сопровождении великих князей и придворных. Перед шатром был установлен алтарь, а рядом с ним - портрет Фердинанда VII. Вокруг были построены испанские части так, чтобы лучше видеть службу, которая длилась три часа. Все это время императрицы провели стоя. Церемония завершилась торжественным прохождением полка перед императрицами и портретом Фердинанда VII. Оно сопровождалось музыкой в исполнении оркестра императорской гвардии. Испанский посол находился среди царствующих особ; он провозглашал многочисленные здравицы в честь монархов, кортесов, армий, за процветание обоих народов" (с. 115).

На знамени полка, собственноручно вышитом вдовствующей императрицей, был изображен Андреевский крест. В состав полка входили три батальона - 9 офицеров, 115 унтер-офицеров и 1908 нижних чинов. Солдаты и офицеры были вооружены русским оружием и одеты в зеленые русские мундиры²⁴.

После окончания церемонии Льянса был принят императрицей (!) Елизаветой Алексеевной, которая поинтересовалась его здоровьем; побеседовал он и с императрицей-матерью Марией Федоровной, чем был несказанно тронут. Впрочем, проявленное к нему внимание имело скорее политическую, чем сентиментальную подоплеку.

Затем состоялся грандиозный банкет, который, как пишет Льянса, "посол Испании давал в честь их величеств и придворных. Банкет проходил в саду императрицы, стол был накрыт на 180 персон. Он начался в серьезной, официальной атмосфере и торжественной тишине, а закончился шумно, под оглушительные крики. Вино сделало свое дело. Звучали многочисленные тосты, и каждый из них все сильнее горячил кровь. Один из них показался мне особенным. Не знаю, кто попросил слова, встал и в тишине поднял бокал за уничтожение тирана. Он еще не закончил, а английский посол уже

²² Испанские солдаты в русских мундирах. - http://spalex.narod.ru/rus_esp/esprus_2mayo.html

²³ София была официально объединена с Царским Селом еще в 1808 г.

²⁴ См. Листовки Отечественной войны 1812 г. М., 1862, с. 8.

вскочил в нетерпении. После окончания шумного застолья мы пошли прогуляться по саду, где находилось несколько оркестров, музыка была великолепной. Императрица, стоя на балконе дворца, глядела на наши разгоряченные головы" (с. 115).

Из беседы с послом Испании Льянса узнал, что тот не получал его писем и вообще не знал о его существовании, "поэтому командиром испанского полка был назначен О'Доннелл, который вместе с другими испанцами перешел на сторону русских в Вильне"(с. 118).

Кроме банкетов и встреч с высокопоставленными особами у Льянсы была возможность осмотреть столицу. "Петербург впечатляет, - рассказывает он. - Нельзя не проникнуться восхищением и самым глубоким уважением к тому великому человеку, который его основал... Петербург - самый прекрасный город из всех, которые я видел и, наверное, из всех, существующих в мире" (с. 119).

В конце июля 1813 г. в Кронштадт прибыли английские фрегаты, которые должны были доставить испанский полк на родину. "1 августа, - пишет Льянса, - я получил приказ отправиться туда с моим 1-м батальоном. Днем раньше мне передали приказание императрицы прибыть к ней для прощания; я пришел в сопровождении князя Наринского²⁵, ее родственника и камергера. Е. В. приняла меня в своем кабинете. Она говорила со мной продолжительное время. Она хотела знать все, живо интересовалась, какова моя страна, как зовут моих родителей, моих братьев, что с ними стало, задавала другие вопросы, проявляя самый искренний интерес. Я ответил, что моим родителям более 70 лет, они очень нуждаются...что им пришлось скрываться в горах от зверств разбойников, угнетающих мою страну. Это произвело на нее сильное впечатление, в глазах ее появились слезы. Тогда я сказал ей: "Пусть ваш супруг не складывает оружия до тех пор, пока не убедится, что Испания освобождена". Я вышел, воодушевленный уважением и интересом, проявленным этой госпожой, и навсегда сохраню это в моей памяти" (с. 123). Таким образом, скромный испанский офицер, бывший военнопленный, был дважды удостоен приема на самом высоком уровне! Поистине "из грязи в князи". Но и это еще не все.

"Князь Наринский, - продолжает Льянса, - также пригласил меня посетить его летний дворец. Это был один из влиятельнейших магнатов России, связанный родственными узами с императорским домом. Как и императрица, он выказывал свое расположение к испанцам... Как многие русские господа, он любил выставлять свое высокое положение напоказ.

Он послал за нами свои лучшие кареты; слуги были одеты в великолепные ливреи. По прибытии в его дворец нас встретили три или четыре оркестра, огромное число слуг и госпожа княгиня во главе множества гостей. И тогда я растроганно осознал, что этот прием был подготовлен специально в мою честь, что такой маленький человек, как я, должен находиться посреди этого русского великолепия. Большинство гостей говорило по-французски и по-итальянски. Стол был накрыт в прекрасно убранном павильоне с видом на замечательный сад. Везде бросались в глаза невиданное изобилие и роскошь. Угощение было превосходным, а кроме того, когда был произнесен первый тост (за наше счастливое плавание в Испанию), раздались 40 пушечных залпов из орудий, находившихся в саду, - такую привилегию имели в России только высшие вельможи.

Я сидел за столом между княгиней Наринской и княгиней Италийской. Последняя была

знатной госпожой, дочерью великого Суворова²⁶, генерала, которого чтят в России как героя. Она спросила меня, известен ли ее отец в Испании. Я ответил, что его хорошо знают, восхищаются им и почитают как одного из самых великих сподвижников императрицы Екатерины II, и эти слова были ей приятны" (с. 124).

²⁵ Имеется в виду Александр Львович Нарышкин (1760 - 1826)- обер-камергер, канцлер российских орденов, директор императорских театров.

²⁶ Любимая дочь А. В. Суворова, Наталья Зубова (1775 - 1844) титуловалась по отцу "урожденной княжной Итальянской, графиней Суворовой-Рымникской".

стр. 110

На следующий день Льянса прибыл в Ораниенбаум, где познакомился и побеседовал с княгиней Голицыной, "родственницей генерала, который так помог мне в Красном". Его приятно поразила скромность, образованность и естественность княгини: все это было так не похоже на атмосферу, царившую во дворце Нарышкина!

"За обедом, - пишет испанец, - я рассказал ей о некоторых военных эпизодах, о которых она хотела услышать от живого свидетеля. Я не преминул упомянуть об ошибке русского генерала Чичагова, который в критический момент перехода через Березину позволил Бонапарту обмануть себя, попавшись на примитивную уловку, и упустил возможность полностью пленить остатки его армии. Я добавил, что меня там не было, но в Курске адъютант императора подробно рассказал мне об этих событиях. Одна милая старушка, также знатного рода, стала яростно рвать на себе волосы, подобно фурии, и извергать проклятия в адрес Чичагова. Она спрашивала, почему этот генерал, который находится сейчас в Петербурге, сумел избежать наказания... Простившись с моей любезной и прекрасной княгиней, я отплыл в Кронштадт" (с. 125).

11 августа 1813 г. Александровский полк на английских транспортах был отправлен из Кронштадта на родину. Напутствуя соотечественников, испанский посол в России говорил: "Ступайте, спешите и довершайте изгнание неприятеля, еще попирающего часть нашей прекрасной земли"²⁷. В 1813 - 1814 гг. в Испанию было переправлено еще около полутора тысяч испанских и португальских солдат. Льянса, отплывший на английском фрегате "Ретрит", пишет, что прибыл в Сантандер 1 октября 1813 г.

Родина неласково встретила своих хлебнувших лиха сыновей. Вернувшийся из французского пленения король Фердинанд VII свои именины (день Святого Фердинанда) 30 мая 1814 г. отметил декретом, согласно которому все испанцы, признавшие в свое время власть короля Жозефа (их презрительно называли "жозефины"), подлежали пожизненному изгнанию из страны. Александровскому полку грозило расформирование, а всем офицерам выше звания лейтенанта - высылка. Однако благодаря вмешательству русского посла в Мадриде Д. П. Татищева, входившего в круг приближенных к королю лиц и имевшего на него определенное влияние, в отношении подполковника О'Доннелла и других офицеров сделали исключение: полк был восстановлен и стал регулярным воинским подразделением

королевской армии. Название Александровского он носил до 1823 г.

Гораздо более трагичной оказалась судьба нескольких сот испанцев, оставшихся в армии Наполеона. Познав все ужасы отступления из России, лишь немногие из них, пройдя через всю Европу, сумели, в конце концов, вернуться домой.

²⁷ Листовки Отечественной войны 1812 г., с. 8.